

Самович Юлия Владимировна

ПРАВО НА МЕЖДУНАРОДНУЮ СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КАК АБСОЛЮТНОЕ ПРАВО ИНДИВИДА

Статья анализирует право индивида на международную судебную защиту как абсолютное право, не зависящее от норм национального законодательства по данному вопросу. Основное внимание сконцентрировано на анализе международно-правовых норм международных договоров о правах человека и практике Международного Суда Организации Объединенных Наций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 341

Статья анализирует право индивида на международную судебную защиту как абсолютное право, не зависящее от норм национального законодательства по данному вопросу. Основное внимание сконцентрировано на анализе международно-правовых норм международных договоров о правах человека и практике Международного Суда Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова и фразы: право на международную судебную защиту; доступ к правосудию; Международный Суд ООН; международные договоры о правах человека.

Юлия Владимировна Самович, д.ю.н., доцент
Кафедра теории и истории государства и права
Кемеровский государственный университет
sazhar1@pisem.net

ПРАВО НА МЕЖДУНАРОДНУЮ СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КАК АБСОЛЮТНОЕ ПРАВО ИНДИВИДА[©]

Индивид, обращающийся в суд за защитой своего права, традиционно именуется «жертвой» нарушения его прав и законных интересов со стороны иных субъектов права. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года, называет несколько категорий «жертв».

Во-первых, «жертва» – это лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление его прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью.

Во-вторых, «жертвой» может считаться лицо, независимо от того, был ли установлен, арестован, передан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой.

В-третьих, в соответствующих случаях «жертвой» объявляют близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы.

В-четвертых, «жертвы» – это лица, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию [7, с. 231].

Кроме того, Декларация подчеркивает, что ее положения применимы ко всем лицам без каких-либо различий, независимо от расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, вероисповедания, национальности, политических или иных взглядов, культурных убеждений или практики, имущественного, сословного или семейного положений, этнического или социального происхождения и нетрудоспособности.

Таким образом, рассматривая понятие «жертвы» в уголовно-правовом отношении, Декларация подтверждает право каждого, в буквальном смысле слова, на доступ к правосудию и судебную защиту.

Под «жертвой» злоупотребления властью понимается лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление его основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно-признанных норм, касающихся прав человека [Там же, с. 233].

Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, принятые 16 декабря 2005 года Резолюцией 60/147 на 60 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, определяют понятие «жертвы» следующим образом. Это «лица, которые понесли ущерб индивидуально или коллективно, включая физический или психический вред, душевное страдание, материальные потери или существенное ущемление их основополагающих прав, в результате действий или бездействия, которые являются грубыми нарушениями международных норм в области прав человека или серьезными нарушениями международного гуманитарного права» [16, с. 58].

В применимых случаях и в соответствии с национальным законодательством под «жертвой» может пониматься также прямой член семьи или иждивенец непосредственно пострадавшего лица, а также лица, которым при вмешательстве с целью оказания помощи находящимся в бедственном положении жертвам или предотвращения дальнейших нарушений был нанесен ущерб.

Соответствующее лицо считается жертвой независимо от того, было ли опознано, задержано, привлечено к ответственности или осуждено лицо, совершившее нарушение, и независимо от родственной связи, которая может существовать между виновником и жертвой [Там же].

Основные принципы регламентируют, что к праву жертв на средства правовой защиты, прежде всего, относятся:

- а) равноправный и эффективный доступ к правосудию;

б) адекватное, реальное и быстрое возмещение понесенного ущерба;
в) доступ к соответствующей информации о нарушениях прав и механизмах возмещения ущерба [Там же, с. 59].

Наконец, в разделе VIII «Доступ к правосудию» Основные принципы устанавливают, что «адекватное, эффективное и быстрое средство правовой защиты при грубых нарушениях международных норм в области прав человека или серьезных нарушениях международного гуманитарного права должно включать использование всех имеющихся и надлежащих международных процедур, в рамках которых заинтересованное лицо может иметь правосубъектность, и оно не должно ограничивать использование каких-либо других внутренних средств правовой защиты» [Там же, с. 60].

Данные положения очень верно отражают суть рассматриваемого вопроса – индивид должен обладать правом на международную судебную защиту, даже если оно не предусмотрено национальным законодательством. Обращение в суд в этом случае должно и может быть основано на нормах международного права. И хотя мы в конкретной ситуации имеем дело с рекомендательными нормативно-правовыми актами, императивные нормы международного права в области прав человека обладают преимущественной юридической силой по отношению к внутригосударственному праву.

Для обеспечения эффективного доступа к правосудию Декларация рекомендует государствам «содействовать тому, чтобы судебные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем:

а) предоставления жертвам информации об их роли и об объеме, сроках проведения и ходе судебного разбирательства, о результатах рассмотрения их дел, особенно в случаях тяжких преступлений, а также в случаях, когда ими запрошена такая информация;

б) обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия;

в) предоставления надлежащей помощи жертвам на протяжении всего судебного разбирательства;

г) принятия мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести;

д) предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел и выполнении постановлений или решений о предоставлении компенсации жертвам» [7, с. 232].

Международно-правовые нормы, регламентируя наиболее оптимальный порядок реализации одного из основных прав личности, эффективность которого обеспечивает возможности надлежащего осуществления большинства остальных прав индивида, являются в тех случаях, когда речь идет о юридически обязательных положениях, безусловным приоритетом для норм внутригосударственных. Благодаря тому, что подобные нормы относятся к установлениям, имеющим прямое действие, отсутствие аналогичных положений в национальном законодательстве практически не влияет в отрицательном смысле на положение индивида. Однако и рекомендательные нормы призваны служить образцом для государств в отношении разработки нового и совершенствования действующего законодательства.

В международном праве в области регламентации прав человека сложилась и действует целая система международно-правовых документов, носящих и юридически обязательный, и декларативный характер, а также механизмов, гарантирующих соблюдение и восстановление нарушенных прав и свобод. Международное сотрудничество в области прав человека не может сводиться лишь к установлению определенных стандартов в области материальных прав человека. Для того чтобы в полном объеме пользоваться своими правами, человеку необходимо иметь также и возможность защитить эти права. Это является неотъемлемой гарантией осуществления прав, поскольку личность должна иметь возможность не только беспрепятственно пользоваться своими правами, но и в случае нарушения какого-либо права иметь возможность восстановить его, а в некоторых случаях и получить справедливую компенсацию. Международные соглашения о правах человека, как правило, предусматривают необходимость наличия в государстве средств защиты от нарушений, но они подчеркивают не только необходимость совершенствования возможностей внутригосударственной защиты с помощью международно-правовых норм и развития национального законодательства, но и важность права отдельных лиц или групп, действующих от их имени, поддерживать связь с международными органами, наделенными компетенцией получать и рассматривать информацию, касающуюся утверждений о нарушении прав человека. Безусловно, в первую очередь к подобным органам относятся именно судебные учреждения.

Что же касается норм международного права, предусматривающих права индивида на судебную защиту, то необходимо отметить, что их реализация не ставится в зависимость от закрепления во внутреннем законодательстве страны. Наличие международных судебных учреждений влечет за собой неизбежность создания механизма непосредственной реализации этого права лицом, чьи законные интересы нарушены.

Обеспечение доступа к действенной судебной защите достигается также за счет выработанных в международном праве обязательных форм судебных процедур в гражданском (в широком смысле) и уголовном судопроизводстве. Основная цель наличия данных обязательных требований, при условии их выполнения, заключается в гарантированной реализации права индивида на судебную защиту, поскольку соблюдение четких беспристрастных процедур помогает заинтересованным лицам реализовывать свои права.

Международное право не определяет право на судебную защиту как абсолютное и признает необходимость ограничения этого права в определенных случаях, установленных международно-правовыми актами. В 1966 году Брюссельский суд отклонил дело Мандельера [2, с. 265-267], который обратился с иском к Организации Объединенных Наций о возмещении ущерба, понесенного в результате злоупотреблений, совершенных войсками ООН в Конго. Истец в обоснование своего иска ссылаясь на ст. 10 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом» [6]. По мнению истца, данная статья предполагала его право требовать судебной защиты от действий ООН в национальном суде, поскольку компетентный международный суд отсутствовал. Кроме того, истец сослался на Конвенцию о привилегиях и иммунитетах ООН 1946 года, в соответствии с которой «ООН устанавливает положения для соответствующих способов разрешения: а) споров, возникающих в связи с контрактами, или других споров по вопросам частного права, в которых ООН является стороной...» (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/privileg.shtml).

Суд отклонил иск на том основании, что Организация Объединенных Наций в соответствии с разделом II указанной Конвенции обладает общим иммунитетом от какого-либо судебного преследования, который не ограничивается минимумом, необходимым ООН для выполнения уставных целей и задач.

Кроме того, как отмечают И. П. Блищенко и Ж. Дориа, «ссылка истца на ст. 10 Всеобщей декларации не могла быть принята потому, что право, провозглашенное здесь, не означает нарушения прав, провозглашенных другими общепризнанными международно-правовыми документами. Реализация права может иметь место только в соответствии с другими международно-правовыми документами» [Там же, с. 267].

Рассматривая вопрос о праве человека на судебную защиту и его регламентации в международном праве, нельзя обойти стороной «главный судебный орган» международного сообщества – Международный Суд ООН. Разумеется, индивиды не обладают *locus standi* в Международном Суде ООН, хотя подобная идея возникла достаточно давно и получила широкое распространение.

Предоставление индивидам права обращения в Международный Суд означало бы признание государствами-участниками принципа обязательного судебного рассмотрения – принципа, который государства не готовы полностью признать до сих пор. В частности, делаемые государствами оговорки часто касаются исключения из компетенции суда вопросов, попадающих под внутреннюю юрисдикцию государства. В то же время вопросы, с которыми частные лица могли бы обращаться в международные суды, как правило, попадают именно в эту категорию [30, р. 53].

В. П. Кормли отмечал, что «частные лица должны обладать правом выступать в Международном Суде от своего имени против нанесшего ему ущерб правительства, в частности, против своего собственного» [26, р. V].

Тем не менее, решения Суда отражали утвердившуюся на тот момент точку зрения о том, что права индивида если и существуют в международном праве, то только как права государства. Этот «процесс поддержки», названный «юридической фикцией» [27, р. 194-198], требовал от гражданина следующих действий:

- а) убедить свое правительство поддержать его претензию;
- б) пойти на риск политизации своей претензии;
- в) согласиться с неопределенностью перспективы ее реализации [1, с. 76].

В практике Международного Суда ООН было довольно много конфликтов, связанных с вопросами о правах физических или юридических лиц: англо-норвежский рыбный промысел (решение от 18 декабря 1951 г.), где рассматривался вопрос о праве использования физическими лицами чужих территориальных вод; дело Айа де ла торе (решение от 20 ноября 1950 г. и 13 июня 1951 г.) – спор о праве убежища между Колумбией и Перу; дело Амбатьелос (решение от 1 июля 1952 г.) – о выполнении обязательств по контрактам, заключенным частным лицом с иностранным государством; американские граждане в Марокко (решение от 27 августа 1952 г.) – регулирование государством прав иностранцев на своей территории; дело Ноттебома (решение от 6 апреля 1955 г.) – о возможностях применения дипломатической защиты; дело о норвежских займах (решение от 6 июля 1957 г.) – о компенсации держателям иностранных займов; дело об опеке несовершеннолетних (решение от 28 ноября 1958 г.) – о применении Конвенции 1902 года об опеке несовершеннолетних и т.д.

Основной характеристикой всех упомянутых дел можно считать тот факт, что индивиды, как правило, играли в процессе достаточно активную роль. Такие иски государства относятся к доктрине, в английском языке выражаемой термином «*espousal*», на русский язык его можно перевести как «доктрина участия». Доктрина участия берет свое начало в практике Постоянной палаты международного правосудия, и ее обоснование было выражено в следующем заявлении Палаты: «Принимая дело от имени своих граждан в международном суде, государство провозглашает свое право обеспечить уважение норм международного права вместо своих граждан» [11]. «Практически индивидуальное лицо и государство встречаются в Международном Суде так же, как стороны в национальном» [31, р. 8-9], отмечает Розенберг, а Ф. Джекоб и А. Атертон вообще считают, что «рассмотрение Судом ООН споров и конфликтов между индивидуальной личностью и государством вытекает из самой сущности международной судебной процедуры» [28, р. 310]. И хотя Международный Суд не рассматривал ни одного дела, где бы физическое лицо выступало в качестве истца или ответчика, тем не менее, выносимые им решения достаточно серьезно сказываются на формировании доктринальных и практических позиций в международном праве.

Уже в 80-е гг. XX века отношение к правам индивида в международном праве начинает изменяться: «В определенной мере частные лица несут международные обязательства, однако последние не обеспечены каким-либо существующим постоянным органом. Процессуальное право инициировать процесс в международном органе предельно ограничено и зачастую носит зачаточный характер, поскольку ограничено представлением жалобы, без личного присутствия при ее рассмотрении. Более того, процессуальное право предоставляется только договором и, таким образом, существует лишь в отношении отдельных, четко ограниченных им дел и зачастую только в отношении государств, которые согласились на это. Кроме того, такое соглашение может быть отозвано по усмотрению государства» [1, с. 87]. С другой стороны, не следует забывать, зачем индивиду предоставляется такое право – для защиты его нарушенных прав и свобод со стороны государства, которое в этом же договоре обязывалось соблюдать и защищать его права. Каким же образом такое соглашение может быть отозвано? Защита прав человека – это право или все-таки обязанность государства?

Действительно, трудно согласиться с тем, что права человека, предусмотренные соответствующими договорами, – это права «в потенции» или вообще не права, а обязательства государств, оторванные от конкретных субъектов, то есть эти права становятся таковыми, приобретают действительность только тогда, когда во внутригосударственном праве возникают соответствующие конкретные правоотношения, а до этих пор они – ничто в юридическом смысле [13, с. 137].

Однако, как отмечают Д. Е. Арцт и И. И. Лукашук, современный статус индивидов демонстрирует некоторые значительные перемены:

1) в случае, если индивиды обладают процессуальным правом, оно обычно предоставляется независимо от гражданства. Они могут жаловаться на свое собственное или иное государство, независимо от согласия их собственного государства представлять их требования;

2) несмотря на то, что добровольный отказ от некоторых суверенных полномочий не был легким делом, государства начинают привыкать уважать вынесенные против них и в пользу индивидов решения;

3) все больше внимания уделяется кодификации норм об индивидуальной ответственности в дополнение к нормам о правах человека (в частности, Конвенция о правах ребенка 1989 г. возлагает на родителей и государство позитивную обязанность действовать в интересах детей) [1, с. 87].

В. С. Верещетин и Р. А. Мюллерсон высказывали мнение о том, что «гражданин правового государства вправе требовать, чтобы государственные органы соблюдали добровольно принятые международные обязательства, которые непосредственно затрагивают интересы личности. Договоры о правах человека устанавливают обязательства и для граждан, а не только для участвующих государств» [33, р. 291].

«Диспозитивность норм международного права, касающихся прав человека, заключается в том, что эти нормы также содержат два предписания. Первое в императивной форме устанавливает, что человеческой личности неотъемлемо принадлежит то или иное право или свобода. Второе уполномочивает государство-участника международного соглашения принять необходимые меры в соответствии со своей национальной юридической практикой для эффективных обеспечения и защиты этого права или свободы.

Однако если нормы внутригосударственного права не предусматривают защиты установленного нормой международного права неотъемлемого права или свободы или вообще не признают их принадлежащими отдельной личности, категорическое предписание международно-правовой нормы становится основанием для возникновения такого права или свободы у личности» [5, с. 51-52].

Основную проблему, связанную с возможностью индивидов обращаться в международные органы за защитой своих прав, очень верно формулирует С. В. Черниченко: «До сих пор не разработаны критерии рассмотрения так называемых индивидуальных случаев, т.е. нарушений прав человека отдельных лиц, когда заинтересованное государство возражает против этого... Если такой вопрос возникает, а заинтересованное государство выступает против его обсуждения, тогда неясно, каковы должны быть ограничения обсуждения» [23, с. 293]. С другой стороны, им же совершенно верно подмечена и иная ситуация: «Рассмотрение в международных органах нарушений прав человека превратилось в важное средство воздействия на государства, совершающие такие нарушения. Каковы бы не были результаты рассмотрения (осуждение, принятие рекомендаций по исправлению ситуации, выражение озабоченности, вынесение решения обязательного характера судебным органом, что зависит от компетенции органа, рассматривающего нарушение), государства, оказавшиеся предметом обсуждения, либо вынуждены принимать какие-то меры в соответствии с вынесенным решением, либо, как минимум, давать объяснения и даже оправдываться» [Там же, с. 291].

В одном из своих выступлений, посвященных международно-правовой регламентации прав человека, В. А. Карташкин отметил, что «под воздействием глобализации уже сегодня изменилось содержание таких основополагающих принципов как принцип государственного суверенитета или международной защиты прав человека. Сегодня суверенитет уже не является безграничным. Он ограничивается, во-первых, международными обязательствами государства, во-вторых, решениями Совета Безопасности ООН и Международного Суда ООН, в-третьих, существованием других общепризнанных принципов и, прежде всего, принципов международной защиты прав человека, и, наконец, признанием международным сообществом преступными многих противоправных деяний государств, за которые они несут ответственность» [12, с. 299].

«Нет и не должно быть безграничных проявлений государственного суверенитета в виде беспредельного расширения юрисдикции государства. В доктрине это давно считается бесспорным, – заявляет О. С. Черниченко, анализируя вопросы юрисдикции государства в сфере межгосударственных отношений. – Устанавливая

и осуществляя свою юрисдикцию, ни одно государство не вправе действовать только по своему усмотрению. Оно должно соблюдать свои международно-правовые обязательства, вытекающие из договорных норм, международных обычаев и решений международных организаций (юридически обязательных для него), либо взятые им на себя в одностороннем порядке» [22, с. 165].

Современный период развития международно-правового регулирования прав человека характеризуется установлением общепризнанной международно-правовой нормы, исключающей вопросы правового статуса личности и защиты ее основных прав и свобод из сугубо внутренней компетенции государства. Отсюда совершенно логично следует, что «правовой статус личности формируется не только из тех свобод, которые зафиксированы в Конституции и других национальных законах, но и из прав и свобод, провозглашенных в международных договорах, т.е. международно-признанных прав и свобод» [10, с. 101].

В пределах территории типичным примером ограниченной юрисдикции государства может служить юрисдикция в отношении лиц, имеющих согласно договорным и обычным нормам международного права иммунитеты, иными словами, речь идет о наделении индивидов определенными правами, которые государства обязаны соблюдать в силу своих международно-правовых обязательств. В частности, М. Л. Энтин, говоря о Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, пишет, что Конвенция устанавливает не только права и обязанности между государствами, но и «обязательства государств-участников в отношении своих собственных граждан, физических и юридических лиц, всех тех, кто находится под их юрисдикцией. Ратифицировав Конвенцию, государства-участники добровольно отказываются от права утверждать, будто бы защита прав человека является их внутренним делом, настаивать на том, будто бы это их заповедная зона» [24, с. 463].

Более того, Международный Суд ООН, рассматривая дело ЛаГранд (решение № 104 от 27 июня 2001 г. [17]), сделал чрезвычайно важный вывод о правах личности, установленных международными договорами. Суть предъявленных Германией к США требований сводилась к следующему: братья ЛаГранд, граждане Германии, были приговорены к смертной казни в Аризоне за совершение ряда тяжких преступлений. Германия узнала об обстоятельствах дела только восемь лет спустя, хотя согласно Венской конвенции о консульских сношениях 1961 года власти США должны были известить Германию об этом деле во время ареста, с целью получения юридической помощи от германского консульства. Попытки Германии поднять вопрос о несоблюдении конвенции не увенчались успехом. США сослались на доктрину «procedural default» – «нарушение сроков процессуальных действий».

В итоге, первый из ЛаГрандов был казнен в 1999 году, а за день до казни второго брата Германия, исчерпав все попытки урегулирования вопроса по дипломатическим каналам, возбудила в Международном Суде ООН дело о несоблюдении США Венской конвенции о консульских сношениях.

Решение Международного Суда ООН по данному делу затронуло достаточно широкий ряд вопросов. В том числе, Международный Суд ООН дал оценку правам физических лиц по международным договорам, в частности, отметил, что Венская конвенция о консульских сношениях устанавливает не только права государств, но и права физических лиц.

В частности, в п. 74 своего решения Международный Суд ООН отметил, что п. 1 ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года [20] содержит взаимосвязанные права государства и гражданина, облегчающие выполнение консульских функций: «В целях облегчения выполнения консульских функций в отношении граждан представляемого государства:

а) консульские должностные лица могут свободно сноситься с гражданами представляемого государства и иметь доступ к ним. Граждане представляемого государства имеют такую же свободу в том, что касается сношений с консульскими должностными лицами представляемого государства и доступа к ним;

б) компетентные органы государства пребывания должны безотлагательно уведомлять консульское учреждение представляемого государства о том, что в пределах его консульского округа какой-либо гражданин этого государства арестован, заключен в тюрьму или взят под стражу в ожидании судебного разбирательства или же задержан в каком-либо ином порядке, если этот гражданин этого потребует. Все сообщения, адресуемые этому консульскому учреждению лицом, находящимся под арестом, в тюрьме, под стражей или задержанным, также безотлагательно передаются этими органами консульскому учреждению. Указанные органы должны безотлагательно сообщать этому лицу о правах, которые оно имеет согласно настоящему подпункту» [17].

США, не выполнив данные требования, нарушили не только права Германии, но и права Карла и Уолтера ЛаГрандов. «Ясность этих условий (п. 1 ст. 36 Конвенции), рассматриваемых в данном контексте, не допускает сомнений. Суд считает, что п. 1 статьи 36 создает индивидуальные права, которые... были нарушены в существующем случае» [Там же].

Таким образом, Международный Суд ООН подтвердил, что определенными международными договорами между государствами создаются не только права и обязанности для последних, но и индивидуальные права частных физических лиц.

Речь, в частности, идет о праве человека на доступ к правосудию, причем, как следует из статей международно-правовых актов о правах человека, регламентирующих право на судебную защиту, данное право не оговаривается как право для исключительного применения в рамках национальной юрисдикции. Данный вывод следует из простого факта существования международных судебных учреждений: поскольку право на доступ к судебной защите оговаривается вообще, логично предположить, что оно касается судов любого вида.

Более того, Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, принятые 16 декабря 2005 года Резолюцией 60/147 на 60 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивают: «Адекватное, эффективное и быстрое средство правовой защиты при грубых нарушениях международных норм в области прав человека или серьезных нарушениях международного гуманитарного права должно включать использование всех имеющихся и надлежащих международных процедур, в рамках которых заинтересованное лицо может иметь правосубъектность, и оно не должно ограничивать использование каких-либо других внутренних средств правовой защиты» [16, с. 59].

Международные договоры, регламентирующие права и свободы человека, в том числе содержат и статьи, которые касаются возможности государств правомерно ограничивать эти самые права и свободы на своей территории, а также обязанностей индивидов подвергаться таким ограничениям.

Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в п. 2 ст. 29 регламентирует обязанность человека при осуществлении своих прав и свобод «подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». А в ст. 30 фиксирует, что «ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации» [6].

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. в п. 1 ст. 4 устанавливает: «Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется острой обстановкой, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения», а в ст. 5 определяет, что:

«1. Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или какое-либо лицо имеют право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте.

2. Никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в каком-либо участвующем в настоящем Пакте государстве в силу закона, конвенций, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в настоящем Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме» [3].

Аналогичные требования содержат Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года [21, ст. 15, п. 1, ст. 17-18], Американская конвенция о правах человека 1969 года [14, ст. 27, п. 1-2, ст. 29-30], Хартия основных прав Европейского Союза 2000 года [15, ст. 52-54] и др.

Учитывая положения договоров о правах человека, которые были приведены, возникает вопрос о законности оговорок государств к указанным соглашениям, ограничивающих реализацию некоторых прав для индивидов, в том числе и права на судебную защиту в межгосударственных органах.

Условия заявления оговорок к международным соглашениям регламентированы Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года [4], которая в ст. 19 устанавливает презумпцию допустимости (законности) любой оговорки, за исключением случаев, когда:

- а) данная оговорка запрещена договором;
- б) договор предусматривает, что можно делать только определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит;
- в) оговорка несовместима с объектом и целью договора.

Последнее основание достаточно давно вызывает многочисленные споры как в практике международного сообщества, так и в доктрине, поскольку нет документа, который бы установил критерии для определения той самой совместимости с положениями договора.

В доктрине существуют два подхода к решению этой проблемы [29, р. 95], которые представлены школой допустимости (*permissibility*) и школой противопоставимости (*opposability*). Сторонники первой точки зрения, а именно, английский ученый Д. Боуэт, шведский профессор Ф. Хорн, считают, что оговорка, несовместимая с объектом и целью договора, не может быть заявлена государством, так как в противном случае она будет недействительной. Как следствие, вопрос о ее принятии даже не может возникать. Представители школы противопоставимости (Дж. Руда) придерживаются той позиции, что действительность любой оговорки напрямую зависит только от ее принятия или непринятия государством. Статья 19(с) является, по их мнению [32, р. 82], обычным доктринальным утверждением, которое может рассматриваться как не более чем руководство для государств в принятии оговорок.

На наш взгляд, в данном случае оговорка о непредоставлении индивидам определенных прав является той самой оговоркой, которая несовместима с объектом и целями договора, поскольку она прямо нарушает

положения о невозможности ограничений прав человека со стороны государства и явно не относится к ситуациям, предполагающим необходимость временных ограничений прав и свобод человека на территории.

Вопрос оговорок был и остается одним из самых противоречивых и сложных в современном международном праве. Как отмечается в Первом докладе А. Пелле о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам [18, А/С.4/470, par. 61], представленном на рассмотрение Комиссии международного права, противоречия в подходах, существующих в отношении оговорок, удалось преодолеть лишь благодаря компромиссным решениям, строящимся на двусмысленности или тщательно рассчитанном молчании [9].

На 57 сессии Комиссии международного права, проходившей в июле-августе 2005 года, обсуждался проект Руководящих положений об оговорках к международным договорам. В п. 3.1.12 – «Оговорки к общим договорам по правам человека» – было сформулировано следующее правило: «Для оценки совместимости той или иной оговорки общего договора по защите прав человека необходимо учитывать неделимость изложенных в нем прав, значение прав, которые являются предметом оговорки в общей структуре договора, и серьезность воздействия на него оговорки». Оценивая Проект, Специальный докладчик Комиссии отметил, что он «является довольно гибким для того, чтобы оставить толкователям достаточное поле для оценки» [18, А/60/10, par. 382].

В качестве одного из возможных примеров такого толкования можно привести анализ права Европейского Сообщества, сделанный в одном из решений: «Право Сообщества вне зависимости от законодательства государств-членов не только налагает обязательства на частных лиц, но и наделяет их правами, которые становятся частью их правового достояния. Эти права возникают не только в том случае, когда они прямо выражены в Договоре, но и вследствие обязательств, которые Договор строго определенным образом налагает на частных лиц, равно как на государства-члены и институты Сообщества» [19, с. 6].

С учетом вышеизложенных положений международных договоров и выводом, который в своем решении сделал Международный Суд ООН, мы можем сделать собственный вывод: вряд ли можно считать правомерными оговорки государств по отношению к соответствующим международным договорам, которые ограничивают право человека на судебную защиту своих прав в международных судебных учреждениях. В данном случае налицо нарушение государствами своих обязательств по международным договорам о правах и свободах человека.

Небезынтересным в данном аспекте выглядит решение Европейского Суда по правам человека по делу Голдер против Соединенного Королевства. Рассматривая вопрос о том, входит ли право на доступ к правосудию в контекст статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Суд в частности отметил:

«28. ...статья 6 п. 1 не говорит прямо о праве доступа к правосудию. В пункте 1 провозглашаются иные права, но все они вытекают из одной и той же основополагающей идеи и, будучи взяты в совокупности, составляют единое право, хотя и не получившее точного определения. Поэтому Суд призван установить при помощи толкования, является ли доступ к правосудию составной частью или аспектом указанного права.

30. “Общее правило толкования” международного договора, о котором говорит статья 31 Венской конвенции, соединяет воедино ряд составляющих, которые перечислены в четырех пунктах той же статьи 31.

31. Термины, используемые в п. 1 статьи 6 Европейской конвенции, взятые в контексте, дают основания полагать, что это право включено в установленные гарантии.

35. В статье 31 Венской конвенции указывается, что наряду с контекстом следует учитывать “соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками”. Среди этих норм – общие принципы международного права и, в частности, “общие принципы права, признаваемые цивилизованными странами” (п. 1 “с” статьи 38 Устава Международного Суда ООН). Юридический комитет Консультативной Ассамблеи Совета Европы предвидел в августе 1950 г., что “Комиссия и Суд должны будут, по необходимости, применять такие принципы” при исполнении возложенных на них обязанностей, а потому не считал “необходимым” наличие в Конвенции соответствующих предписаний (Documents of the Consultative Assembly: working papers of the 1950 session. V. III. No. 93. P. 982. § 5).

Принцип, согласно которому спор гражданско-правового характера может быть передан в суд, относится к числу повсеместно признанных основополагающих принципов права; это справедливо и в отношении принципа международного права, который запрещает отказ в правосудии. В свете указанных принципов следует читать и статью 6 п. 1.

Если бы ее текст понимался как говорящий исключительно о движении дела, которое уже передано в суд, то Договаривающееся государство могло бы, не нарушая эту статью, упразднить свои суды или вывести из их юрисдикции рассмотрение некоторых видов гражданских дел, поручив их органам, находящимся в зависимости от правительства. Подобные допущения, неотделимые от опасности произвола, имели бы весьма серьезные последствия, которые несовместимы с указанными выше принципами; это не могло пройти мимо внимания Суда.

По мнению Суда, было бы немисливо, чтобы статья 6 п. 1 содержала подробное описание предоставляемых сторонам процессуальных гарантий в гражданских делах и не защищала бы в первую очередь того, что дает возможность практически пользоваться такими гарантиями – доступа к суду. Такие характеристики процесса как справедливость, публичность, динамизм лишаются смысла, если нет самого судебного разбирательства» [8, с. 39-80].

Список литературы

1. Арцт Д. Е., Лукашук И. И. Участники международно-правовых отношений // Вне конфронтации: международное право в период после холодной войны: сборник статей. М.: СПАРК, 1996. С. 73-107.
2. Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. 472 с.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
5. Волошко А. И. Взаимосвязь норм внутригосударственного и международного права по обеспечению и защите личных и политических прав человека: дисс. ... канд. юр. наук. М., 1992. 178 с.
6. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.
7. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года // Права человека и судопроизводство: собрание международных документов. Вена: ОБСЕ, 1999. С. 229-235.
8. Европейский суд по правам человека: избранные решения: в 2-х т. / председатель ред. коллегии В. А. Туманов. М.: НОРМА, 2000. Т. 1. 856 с.
9. Жарский А. В. Правовой режим оговорок по Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 1.
10. Игнатенко Г. В. Международно-признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Правоведение. 2001. № 1. С. 87-101.
11. Исаева М. Частные лица в международном правосудии // Международное публичное и частное право. 2005. № 3.
12. Карташкин В. А. Права человека на рубеже веков // Российский ежегодник международного права - 2002. СПб.: Россия-Нева, 2002. С. 298-301.
13. Кожеуров Я. С. Проблемы международной правосубъектности индивида: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2001. 207 с.
14. Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 2002.
15. Московский журнал международного права. 2003. № 2.
16. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права, принятые 16 декабря 2005 года Резолюцией 60/147 на 60 сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 54-62.
17. Официальный сайт Международного Суда Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icj-cij.org/icjwww/icjhome.htm>
18. Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/english
19. Решение Суда ЕС по делу C-26/62: NV Algemene transport en expeditie onderneming «Van Gend and Loos» v. Netherlands Inland Revenue Administration // Суд Европейских Сообществ: избранные решения / отв. ред. М. Л. Энтин. М.: НОРМА, 2001. 400 с.
20. Сборник международных договоров СССР. М., 1991. Вып. XLV.
21. Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2001. № 2.
22. Черниченко О. С. Общая характеристика юрисдикции государств в сфере межгосударственных отношений // Российский ежегодник международного права - 2002. СПб.: Россия-Нева, 2002. С. 156-181.
23. Черниченко С. В. ООН и права человека: итоги и проблемы полувекового пути // Российский ежегодник международного права - 1996-1997. СПб.: Россия-Нева, 1998. С. 286-306.
24. Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004-2005 годах. СПб.: Россия-Нева, 2006. 576 с.
25. Cassese A. International Law in a Divided World. N. Y., 1986.
26. Cormley V. P. The Procedural Status of Individual before International and Supranational Tribunals. N. Y., 1966.
27. D'Amato A. International Law: Process and Prospect. N. Y., 1987.
28. Jacob Ph. E., Athertone A. L. The Dynamic of International Organization, the Making of World Order. Illinois, 1965.
29. Koh J. Reservations to Multilateral Treaties: How International Legal Doctrine Reflects World Vision // Harvard International Law Journal. 1982. Vol. 23.
30. Lauterpacht H. International Law and Human Rights. London, 1950. 498 p.
31. Rosenberg J. N. A Way to Bring Life to the World Court // War and Peace Report. 1972. Vol. 5. № 8.
32. Ruda J. M. Reservations to Treaties // Recueil des cours de l'Academie de droit international de la Haye. 1975. III. Vol. 146.
33. Vereshetin V., Mullerson R. International Law in an Interdependent World // Columbia Journal of Transnational Law. 1990. Vol. 28.

RIGHT TO INTERNATIONAL JUDICIAL DEFENCE AS ABSOLUTE INDIVIDUAL'S RIGHT

Yuliya Vladimirovna Samovich, Doctor in Law, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Kemerovo State University
sazhar1@pisem.net

The author analyzes an individual's right to international judicial defence as the absolute right, not depending on national legislation on this question, and pays special attention to the analysis of the international-legal norms of international human rights treaties and the practice of International Court of Justice of the United Nations.

Key words and phrases: right to international judicial defence; access to justice; International Court of Justice of the United Nations; international human rights treaties.